

— Не мельтеши так, упасть ведь можешь.

Сян Фэн смотрел на его метания и всё же не удержался от подсказки.

— Ты ещё смеешь меня отчитывать! Бездушный ты чурбан! Тц!

Юнь Лэ был готов взорваться от злости: жениться на нём он не хочет, но при этом ещё и указывает! Кем он себя возомнил, подума подумать!

— Не смей мне указывать! Пока толком не объяснишься, с места не сойдешь!

Гнев Юнь Лэ достиг предела, его личико покраснелось от ярости. Глядя на молчаливого мужчину перед собой, он почувствовал, как к горлу подступает обида.

В мгновение ока крупные слезинки покатались из глаз, шлёпая прямо о землю.

Сян Фэн никак не ожидал, что Юнь Лэ так сильно расстроится. Он не хотел портить парню жизнь: сам он прошёл через войну, обладал тяжёлой судьбой, а вся его семья погибла. Прежние земляки в родных краях не раз поговаривали, что у него проклятие одиночества.

Именно ради того, чтобы держаться подальше от тех людей, он разыскал вышестоящее начальство и попросил помочь найти новое место, где можно было бы осесть.

Деревня Шуйсю оказалась прекрасна. Хотя жили здесь небогато, сельский староста был человеком здравомыслящим, а жизнь текла размеренно и спокойно — именно о такой он всегда и мечтал.

Судьба у него была тяжёлая: родители умерли, когда он был совсем маленьким, а дедушка с бабушкой, вырастившие его, тоже один за другим ушли из жизни. Прибыв в деревню Шуйсю, он жаждал лишь жить в одиночестве и вовсе не помышлял о женитьбе.

Стоящий перед ним Сяо-гэр происходил из зажиточной семьи, был окружён заботой родителей и жил в ладу с братьями. Он мог бы найти кого получше и прожить счастливую жизнь до самого конца, а сам он Юнь Лэ вовсе не пара.

Не зная, как именно отказать, Сян Фэн мог лишь плотно сжать губы, не выронив ни единого слова.

Наплакавшись вдоволь, Юнь Лэ немного прояснил мысли. Да, он хотел, чтобы Сян Фэн стал его мужем, но ещё не дошёл до того состояния, когда без него белый свет не мил.

Раз уж тот так обижает его сегодня, он больше не собирается выходить за него замуж!

Юнь Лэ спрыгнул с пня, взвалил на плечи бамбуковую корзину, обошёл Сян Фэна и широким шагом двинулся вперёд.

Сян Фэн проводил взглядом его некогда сияющее и лучезарное личико, теперь заплаканное, с покрасневшими и опухшими глазами. В сердце шевельнулся укол сожаления, но с места он так и не содвинулся, продолжая молча смотреть, как тот спускается с горы.

Юнь Лэ с заплаканным лицом возвращался с горы, а посреди бела дня в деревне на него глазело слишком много народу.

На все расспросы он отвечал одно: испугался змеи, оступился, упал да и разревелся от боли.

Накануне и после праздника Дуанью из родительского дома Чжоу Ваньхуэй пришла весть: для Юнь Лэ присмотрели нового жениха. Он жил в деревне Шуйюнь, что в двух селениях от деревни Шуйсю, совсем рядом с родными местами Чжоу Ваньхуэй.

В семье было всего двое сыновей: старший работал плотником, а младший учился ремеслу в кузне. За ними числилось больше десятка му пахотной земли, а дом стоял под зелёной черепичной крышей — условия были весьма неплохие.

В женихи Юнь Лэ прочили старшего сына. Ему едва стукнуло двадцать, он был на три года старше Юнь Лэ, лицом пригож, и если Юнь Лэ не против, можно было устроить им встречу для смотра.

Чжоу Ваньхуэй во всех подробностях рассказала Юнь Лэ об этой семье и добавила, что он может сперва присмотреться, а если не понравится — станут искать дальше.

Его мать и без того вложила слишком много сил в его устройство судьбы, да и со стороны дяди тоже помогали подыскивать партию. Юнь Лэ не стал отказываться и пообещал матушке, что согласен на смотр.

На третий день после Праздничного Дня Драконьих Лодок старшая тетушка Юнь Лэ привела человека в деревню Шуйсю. Встречным они объясняли, будто семье Юнь потребовалась мебель, а она привела знакомого плотника на заработки.

Сельчане, прекрасно зная, что Юнь Лэ устраивают смотрины, с радостью сбежались поглазеть и оценить жениха.

Плотник по фамилии Чжан был ладного роста и весьма приятной наружности. Прибыв в дом Юнь и завидев Юнь Маошань, он выказал безупречные манеры, говорил мягко и учтиво.

Взяв во дворе расшатанный стульчик, он сноровисто застучал молотком, принявшись за починку, и лишних слов не ронял.

Матушка вытолкнула Юнь Лэ подальше во двор снести воды, чтобы тот смог как следует разглядеть гостя.

М-да, лицом вполне хорош, работает споро, ростом высок, вот только по сравнению с.....

Юнь Лэ невольно вспомнил Сян Фэна, а затем мысленно отругал себя: ведь дал же слово больше не думать о нём, так с чего снова возвращаться к этому?

Вручив чай, Юнь Лэ скрылся на кухне. Матушка тут же поинтересовалась его впечатлениями, но внятного ответа от сына так и не добилась.

Списав всё на девичью застенчивость, Чжоу Ваньхуэй не стала допытываться дальше, однако и спешных решений принимать не стала.

Обжёгшись на молоке, станешь дуть и на воду. После пережитого ранее на сей раз она решила проявить особую осмотрительность.

Заприметив Юнь Лэ, Чжан Юань понял, что сваты не солгали ни единым словом: те уверяли, что Юнь Лэ — едва ли не самый красивый сяо-гэр во всей округе!

Только что он видел его миндалевидные глаза и персиковые щеки, черты лица — яркие, но лишённые вызова, а во взгляде читалась природная чистая невинность. И это не говоря уже о безупречно белой коже; бросив случайный взгляд на руки Юнь Лэ, Чжан Юань заметил нежный розоватый оттенок на суставах его пальцев.

Прежде он был уверен, что девушки привлекают его куда больше, но теперь, глядя на Юнь Лэ, подумал, что сяо-гэры тоже бывают очень хороши.

Работа в его руках заспорила ещё быстрее, а в душе затеплилось горячее желание поскорее уладить дело с помолвкой.

Юнь Лэ Маошань поднял отремонтированный стул, осмотрел его, отвесил мастеру пару похвал, отметив искусную работу, после чего чинно проводил гостя со двора.

Смотрины Юнь Лэ не были секретом, и до проживавшего на Задней Горе Сян Фэна тоже донеслись эти слухи.

Передняя часть деревни шумела больше обычного, да к тому же стояла жара, так что Сян Фэн даже не ходил на поля, а целыми днями пропадал в лесной чаще на склоне.

Возвращаясь обратно, он случайно заметил Юнь Бо, стоявшего у его порога, подошёл поздороваться и поинтересовался, зачем тот пожаловал.

Как только Юнь Бо смог самостоятельно подниматься с постели, он лично отправился на Заднюю Гору, чтобы выразить Сян Фэну благодарность. Слово за слово, со временем они сблизились.

Младший братец как раз подыскивал пару. Юнь Бо вырос на его глазах, а был тот мягким и белокожим сяо-гэром; как старший брат, он хотел собрать ему богатое приданое к замужеству.

Соваться в глухие горные чащобы он не осмеливался, но ближний лес вполне подходил для охоты на зайцев, чью шкурку или мясо можно было выменять на серебро.

Увидав некогда меткую стрельбу Сян Фэна, он загорелся желанием попросить того обучить его своему мастерству, чтобы добывать больше диких кроликов.

Не считая Сян Фэна чужаком, Юнь Бо напрямик выложил ему и про желание собрать брату достойное приданое, и про нынешние удачные смотрины, которые, судя по всему, вот-вот завершатся помолвкой.

Выслушав цель визита, Сян Фэн слегка поджал губы, подумал немного и всё же дал согласие.

Если односельчане и старший брат одобряют выбор, значит, жених и впрямь неплох и на него можно положиться.

Полдмесьца пропадая с Юнь Бо в горных лесах и добывая немало зайцев да фазанов, они выручили почти серебряный лян.

Линь-ши, узнав, что её муж старается ради приданого деверя, чинить препятствий не стала. Она вошла в семью рано и тоже застала взросление Юнь Лэ.

Маленький Юнь Лэ, стоило ему раздобыть какую-нибудь сладость или вещь, норовил поделиться с ней, а вслед семенил с ласковым окликом невестка. После рождения Дуньдуня всё лучшее неизменно перепадало и малышу.

Стоило пухлому крохе пару дней не видеть младшего дядюшку, как он начинал горько плакать и требовать возвращения домой. В недавние дни, пока Юнь Бо болел, Дуньдунь ночевал то с дедушкой и бабушкой, а то и вовсе укладывался спать с младшим дядюшкой.

И когда пришло время возвращаться домой, мальчуган в слезах уцепился за ногу Юнь Лэ и никак не хотел отпускать.

Как-то раз Юнь Бо принёс домой трёх зайцев, вымыл руки, усадил пухлого сынишку на колени и подсел к Линь-ши:

— Продадим этих, и почти хватит. Теперь-то я и сам наловчился промышлять кроликов; выдастся посвободнее время — добуду ещё одного, чтобы вы отведали свежатинки.

Не прерывая вышивания, Линь-ши с улыбкой ответила:

— Не до такой же степени мы изголодались, зайцев в любое время настрелять можно. Завтра же сходи в селение, купи всё необходимое да побереги как положено.

Юнь Бо кивнул и завёл разговор о сегодняшней охоте с Сян Фэном, нахваливая его сноровку, быстроту движений и редкое мастерство. Пока сам он промышлял зайцев в чаще, тот умудрился поймать в горах дикую козу.

— Неужто такая удача? — изумленно ахнула Линь-ши. Дикую козу поди поймай — нрав у неё упрямый, силища огромная, а рогами и за бок поддеть насмерть может!

— Эх, жаль. Если бы он только согласился жениться, какая бы пара для Лэ-гэра получилась, да и живут совсем рядом.

Слова Линь-ши заставили Юнь Бо тяжело вздохнуть. И правда, как было бы хорошо, решишь он на женитьбу. Сам он уже прощупывал почву насчет семейной жизни, да только тот ловко ушёл от разговора — видать, не судьба его брату сойтись с этим охотником.

Дикую козу, добытую Сян Фэном, на следующий день отвезли на продажу в городской ресторан. Мяса в ней оказалось немного, но за тушу выручили целых восемь лянов серебра.

Проходя мимо кондитерской лавки в уездном городе, Сян Фэн на мгновение замер, но шагнул дальше. Затем он свернул в другое место, оставил там два ляна, а выйдя наружу, вдруг осознал, что накупил каких-то вестей.

Только купить-то купил, а использовать было некуда. Сян Фэн сложил приобретения в шкатулку вместе с сегодняшней выручкой. На дне шкатулки уже лежали закладные на дом и поле.

Перед сном, помедлив немного, он вытащил пожитки обратно и сунул под подушку, а днём носил ближе к сердцу.

<http://bllate.org/book/21456/2193328>